

Время первой рыбы

Он пришел пораньше. Он весь поник.
Он и сам почуял, какие дни
накрывают берег. Хотел успеть
дотемна, до бури.

Но уже царапал весну плавник.
Время вышло — время сменило ник.
Он достал Парламент и выдал только:
Ну, что, покурим?

Но опять не выудил ни черта.
В нём плескалась, пенилась пустота.
А тебе меж рёбер за вдохом вдох
жали жабры.

Уплыла в молчание неспроста.
День ушел, отчаявшись на чердак,
полутьма замешкалась, выводя
ночи абрис.

Он налил немного, едва глотнул.
А слова качались песком по дну.
Плыли страхи клином и косяком
на улов, на нерест.

Он устало невод пустой тянул.
Стал таким покладистым — ну и ну -
и смотрел испуганно не в тебя,
дальше — через.

Стал покорен, кроток, как никогда,
весь сплошное эхо, сплошное «да»,
весь сплошное «хочешь» и «ну, давай»,
«мы могли бы».

Но тебя накрыла уже вода,
за окном сиренью цвела беда,
и висело тенью на проводах
Время первой рыбы

* * *

Ночь на краешке недели на двоих разделена.
Сны полощутся в купели незакрытого окна.
Забывается под снегом день, раздетый донага,
а у дома бродит небо на берёзовых ногах,
дышит мартом обветшалым, прижимается к стеклу,
видит вечность, что вмещалась в час, разлитый на полу,
видит, как опустошённо темнота лежит у ног,
как сплетаются бессонно вдох и выдох, вдох и вдох.
В воздух, ласками измятый, окунается слегка,
в сон, испачканный помадой, в тёплый омут ночника,
видит и запоминает лёгкий абрис простыни,
тишину всего одну и жизнь одну, и дни одни.
Видит, как втянулись оба в сладких сумерек суму,
и запоминает, чтобы
забирать по одному.

* * *

Удержи меня
наверху,
на плаву. Пусть глубины кличут,
пусть, оскалившись, стерегут
в заводь загнанную добычу.
Мимо день пробежит босой,
отсылая судьбу ко дну, и
смоет с рук не морскую соль —
растворённую соль земную.
Голоса залечив волной,
в снах январских обиду спрятав,
удержи тишину со мной
на корме.
По ночи дощатой

вслед теням прокрадись и ты,
чтоб коснуться, узнать неловко,
так взволнованные киты
под водою целуют лодку —
не дыша, не ища слова,
не по разуму, не по вере —
просто плачут, поцеловав,
и выталкивают на берег.

Колыханка на мирском

Небо озорно и белолобо,
лижет нас ветровым языком,
люльку покачает и до гроба
шепчет колыханки на мирском,

трётся кучевым лохматым брюхом,
на беду толкает слегонца —
учит сына набираться духа,
чтобы домолчаться до отца,

тычется в туман дождливым носом,
хмарью обживает сны и дом,
дни проводит радостно и босо,
вечность оставляя на потом,

ёжится, бранится на потребу,
кормит разговорами за жизнь.
Холодно? Промозгло? — это небо
смотрит внутрь — попробуй отвернись...

Отпусти меня сам

Отпусти меня сам,
подумай и отпусти
из холёного дня, из вязких сомнений ночи.
Не смыкает очей с полуночи до шести
на двоих разделённое чайное одиночество.
Отпусти на заре
по глупости, невзначай
из животного полымя — прямо в живую воду,
чтоб до хрустких костей, до одури
ощущать

обронённую внутрь нечаянную свободу.
Слово наспех накинь
и выгони
невпопад
в непочатую даль.
Хмельной тишины отдавая,
будет утро скулить.
В окно будет биться сад
приручённого яблоневого света.
Сквозь солёные сны, сквозь узенькое ушко
от себя отпусти — в невстреченность и неожиданность
по опавшим годам
по памяти босиком
отпусти меня сам, и может быть, я останусь.

* * *

В этом городе свет болотистый, как вода,
в нём теряются дни, хоронятся поезда,
он распят на скелетах окон назло крестам.
Город нас забирает, чувствуя: аз воздам,
а потом наполняет доверху этим аз.
Сны стираются, сны стареют быстрее нас,
а замерзшее слово греется на устах.
Снег ложится у ног — снег просто идти устал,
опрокинуло утро фонарные костыли
в этом городе, из которого мы ушли.

Спотыкается день, метро разевает рот,
вождедя догнать когда-то ушедших от,
вождедя настигнуть, заполнить собой —
перекрёсток саднит, внутри жестянеет боль,
и горит на запястье узел забытых трасс —
это город проклятый никак не уйдет из нас.